Каменев, Л.Б.

Что такое либерал и консерватор

Спб., 1906.

ИФЛИ — Библиотека
ЕН 141
4851

.743

К.Д + К

Книгоиздательство „МОЛОТЪ“

EH141
4851 К

Ю. Каменевъ

ЧТО ТАКОЕ ЛИБЕРАЛЪ И КОНСЕРВАТОРЪ

Цѣна 6 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86
1906

Книгоиздательство „МОЛОТЪ“.

ЕН 141
4-857

Ю. Каменевъ

ЧТО ТАКОЕ ЛИБЕРАЛЪ — И КОНСЕРВАТОРЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86
1906

К.

ЕН141
4851

БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ПЕДИНСТИТУТА
ЛЕНИНА

4137с.1

ОФ
4501

М81
1930

1058465

Что такое либералъ и консерваторъ.

Человѣческое общество растетъ и развивается въ борьбѣ съ природой. Использовать природу, ея богатства и ея тайны въ цѣляхъ все бо̀льшаго и бо̀льшаго развитія, бо̀льшаго и бо̀льшаго счастья человѣческаго рода—таковъ основной, общій смыслъ работъ и труда смѣняющихся поколѣній. Этимъ путемъ, путемъ неустанной и непрерывной борьбы съ природой, человѣкъ, слабое, безсильное и жалкое животное, на зарѣ своего существованія идетъ къ завоеванію все бо̀льшей и бо̀льшей власти надъ природой; изъ трусливаго раба непонятныхъ ему силъ онъ мало-по-малу становится ихъ властелиномъ, старается ихъ объяснять, а затѣмъ и регулировать, и направлять въ своихъ интересахъ. Но природа жестока. Ни одной своей частицы, капли, крошки своихъ богатствъ она не отдастъ даромъ. За все она проситъ искупительныхъ жертвъ. И каждый шагъ человѣчества впередъ къ силѣ и власти надъ природой, къ знанію и свободѣ политъ кровью и потомъ многихъ поколѣній. Борьба съ природой страшно трудна, и никогда человѣкъ не достигъ бы и той ступени, на кото-

обсужденій, рѣшаютъ объединиться, организоваться для борьбы съ природой. Нѣтъ. Этотъ процессъ устройства общежитія совершается безсознательно, инстинктивно, стихійно. Какъ объединяются въ табуны бизоны и дикія лошади, бродящіе по степямъ Америки, какъ инстинктивно собираются въ громадныя стаи птицы во время ихъ полетовъ съ сѣвера на югъ и обратно, какъ устраиваются сообща муравьи, такъ же инстинктивно и стихійно происходитъ процессъ построенія человѣческихъ обществъ. И только въ самое послѣднее время, когда наука стала открывать нѣкоторые законы этого процесса, стало возможнымъ вмѣшательство сознательной воли въ этотъ процессъ. Борьба съ природой сама организовала людей въ общества, начиная съ племенъ и до государствъ, задолго до того, какъ люди стали задумываться и понимать законы, по которымъ происходитъ эта организація семьи, племени, государства, вообще, общежитія. Къ какому же результату долженъ привести этотъ процессъ организаціи людей въ общества? Если общества зарождаются, растутъ и развиваются въ борьбѣ съ природой, то результатомъ этой борьбы можетъ и должна быть только побѣда организованнаго и сознательнаго человѣчества надъ природой, иначе говоря, использованіе всѣхъ силъ природы для блага всѣхъ людей. Итакъ, человѣческое общество зарождается въ борьбѣ съ природой для окончательной побѣды надъ нею, въ цѣляхъ всечеловѣческаго счастія. Теперь, зная, почему возникаетъ и къ какимъ результатамъ ведетъ та связь между людьми, о которой мы говорили выше, мы можемъ разобрать вопросъ, какова бываетъ эта связь людей, эта организація общества на разныхъ ступеняхъ его развитія,

какъ и почему она измѣняется, и каково ея значеніе для различныхъ группъ общества въ каждый данный моментъ. Въ корнѣ борьбы человѣка съ природой лежитъ стремленіе человѣка удовлетворить свои потребности при помощи силъ природы. Передъ каждымъ человѣческимъ обществомъ стоитъ задача такъ обработать, использовать богатства окружающей природы—землю, лѣса, внутреннія богатства, земли, рѣки и т. д., чтобы удовлетворить всѣ потребности своихъ членовъ. Эти усилія, направленныя на обработку и использованіе окружающихъ человѣка естественныхъ богатствъ, для удовлетворенія своихъ нуждъ и для дальнѣйшаго размноженія и развитія человѣческаго рода, называются трудомъ. Но, ясное дѣло, человѣкъ стремится получить какъ можно больше плодовъ, потративши какъ можно меньше труда. А для этого нужно, чтобъ общественный трудъ, т. е. трудъ всего общества въ цѣломъ и каждаго члена его въ отдѣльности, былъ какъ можно болѣе цѣлесообразенъ, чтобы ни одна частица труда не пропадала даромъ, чтобы все въ этомъ трудѣ другъ другу соотвѣтствовало. Какъ рабочій, приспособляясь къ своему дѣлу, своему станку, старается стать поудобнѣе, половчѣй, чтобы и работа шла ходчѣй, и онъ меньше уставалъ бы, такъ и все общество приспособляется къ тому, чтобы съ наименьшими усиліями взять у природы все, что нужно обществу для жизни и для ея расширенія. Стихійно, помимо своего сознанія, даже не понимая и не будучи въ силахъ объяснить себѣ, общество организуетъ свой трудъ такъ, чтобы онъ расходовался какъ можно цѣлесообразнѣе, планомѣрнѣе и гармоничнѣе, подобно тому, какъ рѣка стихійно прорываетъ себѣ русло тамъ, гдѣ ей меньше преградъ, чтобы вы-

литься въ море. Вотъ мы получили отвѣтъ на вопросъ, отъ чего зависитъ организація общества, и почему она измѣняется. Отъ того, какъ организована въ данномъ обществѣ борьба съ природой, т. е. отъ того, какъ организовался въ немъ трудъ, зависитъ и вся организація общества. Но трудъ, какъ мы знаемъ, есть работа надъ природой для удовлетворенія имѣющихся налицо потребностей общества, а потому и организація труда зависитъ отъ того, какова эта работа, сколькихъ силъ она требуетъ, и какъ эти силы работаютъ, отъ того, противъ какихъ силъ природы ведется работа, какими орудіями она ведется, и отъ того, наконецъ, какія и насколько обширныя потребности призвана она удовлетворить. Всѣ эти условія мѣняются,—въ зависимости отъ этихъ перемѣнъ является и организація труда общества, т. е. форма его борьбы съ природой, а, слѣдовательно, и вся организація общества, всѣ отношенія между людьми сверху до низу. Въ зависимости отъ измѣненія всѣхъ этихъ условій, человѣчество пережило уже нѣсколько формъ организаціи общества, изъ которыхъ наиболѣе близкій къ намъ это—періодъ натуральнаго хозяйства, когда произведенія труда не продавались и не покупались на деньги, а за нимъ—денежное, товарно-капиталистическое общество, въ которомъ мы живемъ, и на смѣну котораго уже идетъ общество соціалистическое.

Мы видимъ, что въ основѣ того или иного строенія общества лежатъ экономическія условія его существованія, иначе говоря, отношенія, въ которыя становятся люди другъ къ другу въ процессѣ труда. Общество, въ которомъ люди удовлетворяютъ свои потребности путемъ мелкихъ, отдѣльныхъ хозяйствъ—общество землевладѣльцевъ,—совершенно не похоже на общество, въ

которомъ люди употребляютъ для добыванія нужныхъ имъ продуктовъ машины, строятъ фабрики, желѣзныя дороги и т. д. Въ первомъ вы видите рядъ мелкихъ крестьянъ - собственниковъ, производящихъ въ своихъ усадьбахъ все то, что имъ необходимо—отъ пропитанія до одѣянія—и потому почти не связанныхъ съ окружающимъ ихъ міромъ: имъ не нужны желѣзныя дороги, почта, магазины и пр. Во второмъ случаѣ—въ обществѣ машиннаго производства—вы видите, что около машины завязались самыя странныя и сложныя отношенія. Вмѣсто однообразнаго ряда крестьянъ-хозяевъ, вы видите людей, которымъ машина принадлежитъ, но которые на ней не работаютъ, а съ другой стороны—людей, у которыхъ машинъ нѣтъ, но которые должны работать на владѣльцевъ этихъ машинъ, чтобы заработать себѣ пропитаніе. Тамъ жизнь отдѣльныхъ членовъ общества и всего его въ цѣломъ поддерживается трудомъ отдѣльныхъ собственниковъ, ихъ собственными средствами на принадлежащихъ имъ участкахъ; тутъ для добыванія нужныхъ обществу продуктовъ нужна цѣлая армія наемныхъ рабочихъ, нужны особые люди, обмѣнивающіе одни продукты на другіе, и т. д. Коротко говоря, когда измѣняется способъ добыванія продуктовъ, измѣняются и всѣ отношенія между людьми, измѣняется вся организація общества. Но, въ общемъ, человѣчество стремится постоянно все болѣе и болѣе улучшать эти способы. Вся исторія человѣческаго общества и есть исторія того, какъ человѣчество мало-по-малу научилось примѣнять въ своей борьбѣ съ природой, въ своемъ трудѣ, все болѣе и болѣе цѣлесообразныя, улучшенныя орудія. Отъ сохи оно постепенно переходило къ паровому плугу, отъ плотовъ и утлыхъ лодченокъ—

къ громаднымъ пароходамъ, къ желѣзнымъ дорогамъ, отъ палатокъ и хатъ—къ каменнымъ домамъ, отъ лучины—къ электрическому освѣщенію, отъ ручного ткачества—къ станку и машинѣ. И каждый шагъ на этомъ пути улучшенія способовъ обработки и использованія силъ и богатствъ природы сопровождался измѣненіемъ организаціи общества. Общество никогда не остается въ покоѣ; нѣтъ такой формы общежитія, въ которой оно могло бы застыть. Въ глубинѣ его всегда происходятъ измѣненія, и общество мало-по-малу растетъ. Въ каждый данный моментъ происходятъ въ обществѣ незамѣтныя для простого глаза измѣненія: одно нарастаетъ, другое умираетъ, и въ извѣстный промежутокъ все общество, всѣ отношенія между людьми обновляются и замѣняются новыми. Человѣчество не можетъ не улучшать своихъ способовъ обработки и использованія окружающей природы — иначе оно погибнетъ. Растетъ народонаселеніе, растутъ потребности, и старые способы обработки земли, постройки жилищъ, способы сообщенія уже не могутъ удовлетворять людей. И если человѣческое общество не обречено на окончательную гибель—должны появиться новыя орудія, новыя знанія, новые способы для добыванія у природы того, что необходимо обществу. А вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и само общество, его строеніе, его организація, отношенія людей, ихъ взгляды и т. д. Если общество не обречено на гибель въ борьбѣ съ природой, какъ погибло древнее египетское или вавилонское общество, оно постоянно и непрерывно обновляется. Трудовая организація общества постоянно приспособляется къ новымъ задачамъ и новымъ потребностямъ. Но, какъ мы указывали выше, это приспособленіе происходитъ сти-

хійно, и потому организація общества была и остается очень несовершенной. Такая организація общества, которая дала бы возможность использовать всѣ силы природы для блага и развитія всѣхъ людей равномѣрно, такое общество, въ которомъ дѣйствительно осуществились бы братство, равенство и справедливость—остается до сихъ поръ идеаломъ, цѣлью, къ которой стремится извѣстная часть человѣчества. Всѣ общества, существовавшія до сихъ поръ и теперь существующія, неизмѣнно предоставляли всѣ выгоды одной какой-нибудь части общества, одной группѣ людей, одному классу, оставляя на долю другой всѣ тяготы существованія. Разъ общество создавало какую-нибудь организацію для борьбы съ природой, эта организація облекалась въ юридическія нормы, дѣлалась закономъ, для охраны ея создавалась власть, называемая государствомъ. И тогда тѣ группы общества, которымъ данная организація общества была выгодна, которымъ она давала силу, значеніе и богатство, захватывали эту власть въ свои руки и пытались укрѣпить ее за собою навсегда. Въ мукахъ своей борьбы съ природой человѣчество непроизвольно выталкивало наверхъ извѣстные слои общества, которые, очутившись въ этомъ выгодномъ положеніи, стремились затормозить дальнѣйшее развитіе, разъ навсегда закрѣпить тѣ отношенія между людьми, тѣ способы борьбы съ природой, которые привели ихъ къ возвышенію. Опасаясь, чтобъ новыя измѣненія не столкнули ихъ съ занятыхъ ими мѣстъ, не выдвинули новые слои, новые классы, они всячески противодѣйствуютъ этимъ измѣненіямъ, и являются, такимъ образомъ, главными врагами человѣчества, ибо готовы принести въ жертву само благосо-

стояніе народа сохраненію своего существованія. Такимъ образомъ, измѣненіе организаціи общества происходитъ путемъ борьбы внутри общества между тѣми, кому старая организація была выгодна, и тѣми, кому она уже невыгодна. Мы знаемъ, что въ основѣ организаціи общества лежатъ экономическія условія. Эти-то условія и связываютъ людей въ классы. Та или другая организація общества оказывается выгодной однимъ людямъ и невыгодной другимъ; ставя однихъ въ лучшее, болѣе высокое положеніе, она подчиняетъ имъ другихъ. Такимъ образомъ, внутри самого общества создаются различные классы, интересы которыхъ различны и несовмѣстимы. Каждый такой классъ имѣетъ собственныя цѣли—организовать общество такъ, чтобъ положеніе даннаго класса было наиболѣе выгодно—и собственную тактику, т. е. тѣ средства и способы, которыми онъ добивается своихъ цѣлей. Такимъ образомъ, внутри каждаго общества происходитъ борьба различныхъ классовъ за сохраненіе или измѣненіе данной организаціи общества, даннаго общественнаго строя. Стоитъ оглянуться кругомъ себя, чтобъ понять это. Современный общественный строй выгоденъ богатымъ, собственникамъ-хозяевамъ и невыгоденъ бѣднымъ, неимущимъ рабочимъ-батракамъ. Богачи и хозяева хотятъ его сохранить, а бѣднота и рабочіе хотятъ его измѣнить. Внутри общества происходитъ борьба: на одной сторонѣ—всѣ тѣ, кому капиталистическій строй приноситъ только выгоды, на другой—всѣ тѣ, кому онъ несетъ только непосильную работу, безработицу, голодъ, необезпеченность, болѣзни и лишенія; на одной сторонѣ—классъ капиталистовъ и ихъ прислужниковъ, буржуазія, на другой—классъ рабочихъ, неимущихъ бѣдняковъ, пролетаріатъ. И подъ

вліяніемъ этой борьбы внутри общества измѣняется само строеніе общества, самъ общественный и государственный строй. Эта постоянная борьба внутри общества за его измѣненіе и улучшеніе—эта *борьба классовъ* — есть главный законъ человѣческаго общежитія, и только понявши его во всей глубинѣ, могли Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ, великіе учителя рабочаго класса, написать свой „Коммунистическій Манифестъ", въ которомъ они показали, какъ долженъ рабочій классъ бороться за такое измѣненіе общества, которое позволитъ ему стать хозяиномъ жизни. До сихъ поръ всегда было такъ, что однимъ жилось хорошо, другимъ плохо; однимъ—богато, тепло и сытно, другимъ—бѣдно, холодно и голодно. Одни рождались, росли и жили въ холѣ, не зная, что такое борьба за кусокъ хлѣба, другіе уже въ люлькѣ видѣли, какъ дорогъ сухой кусокъ хлѣба. И всегда тѣ, кому жилось хорошо, думали только о томъ, какъ бы такъ и оставить все на вѣки вѣчные, а тѣ, кому жилось плохо,—какъ бы это измѣнить. Но богачи и бѣдняки жили въ одной странѣ и связывались общими законами. Богачи хорошо понимали, что для нихъ самое выгодное—это имѣть возможность издавать законы и на основаніи ихъ закабалить себѣ рабочій народъ.

Потому они стремились имѣть въ своихъ рукахъ не только деньги, но и государственную власть, чтобы при помощи ея обезпечить себѣ эти деньги и свое господство надъ бѣдняками. Государство, политическая власть, изданіе законовъ и наблюденіе надъ ихъ исполненіемъ устраивались въ разныя времена различно. Но всегда было такъ, что богачи, собственники, имущіе классы, пользуясь своимъ богатствомъ и темнотой на-

рода, захватывали власть въ свои руки. Государство было всегда орудіемъ одного класса въ борьбѣ противъ другого. И до сихъ поръ всегда политическая власть была орудіемъ класса богачей и помѣщиковъ противъ народа, рабочихъ и крестьянъ. И эти господа всегда хорошо умѣли пользоваться этой властью въ своихъ интересахъ. Разъ власть попадала въ ихъ руки, они умѣли всю ее перелицовать, устроить такъ, чтобъ она служила обезпеченію ихъ доходовъ. Рабочій народъ мало и плохо понималъ, какъ надо улучшать свое положеніе, и потому недостаточно обращалъ вниманія на то, какъ устроена государственная власть. Между тѣмъ, это—громадная сила, въ рукахъ этой власти находятся войско, полиція, она собираетъ въ видѣ всякихъ налоговъ народныя деньги и расходуетъ ихъ. Хорошо живется тѣмъ, у кого есть такой помощникъ. Но свой своему поневолѣ братъ, и власть всегда готова предоставить войска и полицію для нуждъ богачей, всегда готова такъ собирать налоги, чтобы тѣ, кто много имѣетъ—не платили, а кто ничего почти не имѣетъ, платилъ бы за себя и за богачей, а расходовать ихъ такъ, что они идутъ только на пользу тѣхъ, кто не платитъ. Поэтому каждый классъ долженъ стремиться захватить государственную власть въ свои руки, а разъ захвативши, не уступать ея безъ боя другому. Такимъ образомъ, въ обществѣ происходитъ постоянная борьба различныхъ классовъ за политическую власть, ибо только захвативши ее, или измѣнивши въ своихъ интересахъ, можетъ данный классъ укрѣпить свое экономическое положеніе. Никакая экономическая побѣда не можетъ считаться окончательной, пока она не завершится побѣдой политической, пока она не будетъ узаконена,

т. е. внесена въ законы и поставлена подъ ихъ защиту; вотъ почему всякая экономическая борьба поневолѣ становится борьбой политической. Въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ существуютъ двѣ главныя группы, два класса, враждебные другъ другу по своимъ экономическимъ интересамъ, а потому и различно относящіеся къ политическому устройству страны. Это—буржуазія и пролетаріатъ. Классъ собственниковъ, владѣльцевъ орудій производства—капитала, фабрикъ, шахтъ, земли, желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ—и классъ неимущихъ, наемныхъ рабочихъ. Нетрудно замѣтить глубокую противоположность и непримиримость между интересами тѣхъ и другихъ. Буржуазія стремится сохранить и упрочить такія условія, которыя позволяютъ ей эксплуатировать рабочихъ, выжимая изъ нихъ какъ можно больше неоплаченнаго труда; рабочіе стремятся уничтожить такія условія. Поэтому буржуазія хочетъ сдѣлать и дѣлаетъ изъ государства орудіе своей эксплуатаціи, а рабочіе хотятъ преобразовать его такъ, чтобъ оно послужило имъ орудіемъ ихъ освобожденія. Когда буржуазія впервые ясно и рѣшительно выступила на политическую арену и путемъ борьбы съ землевладѣльцами-дворянами и королями, которымъ тогда принадлежала политическая власть, стала преобразовывать политичеслую власть въ своихъ интересахъ—какъ это было въ 1789 году во Франціи,—она написала на своемъ знамени: свобода, равенство и братство. Если мы попробуемъ разобрать дѣйствительный смыслъ этихъ словъ, то увидимъ, что „братство“ было въ ея устахъ только словомъ, и никакого содержанія въ это слово при теперешнихъ условіяхъ вложить нельзя. Какое можетъ быть братство въ

1058465

такомъ обществѣ, гдѣ все основано на борьбѣ и конкурренціи? Ни у хозяина къ рабочему, ни у рабочаго къ хозяину, ни у продавца къ покупателю, ни у покупателя къ продавцу, ни, наконецъ, между самими продавцами и хозяевами не можетъ быть братскихъ чувствъ. Какія ужъ тутъ братскія чувства, когда одинъ только и думаетъ, какъ бы подороже продать, а другой—какъ бы подешевле купить, да какъ своего сосѣда на куплѣ-продажѣ обойти? Старые представители буржуазіи выдумали это словечко только затѣмъ, чтобъ увѣрить народъ въ своей любви къ нему *). Говорили они „братство“, а думали, какъ бы этимъ самымъ братствомъ обмануть народъ насчетъ своихъ истинныхъ цѣлей и намѣреній. Дѣйствительно, братство при современномъ строѣ живетъ только въ одномъ углу: среди сознавшихъ свои интересы рабочихъ, которые въ самомъ дѣлѣ другъ друга поддерживаютъ да понимаютъ, что вся ихъ сила—въ единеніи между собой. Возьмемъ другое слово: „равенство“. Ясное дѣло, что рѣчь опять-таки шла не о дѣйствительномъ экономическомъ равенствѣ. Господа собственники и хозяева совсѣмъ не думали о томъ, чтобъ у всѣхъ людей, богатыхъ и бѣдныхъ, была равная возможность удовлетворять свои потребности. Со своими богатствами, ради благосостоянія народа, они и не думали разставаться. Да и не могли они объ этомъ думать, такъ какъ ихъ прямой интересъ въ томъ и заключается, чтобъ побольше было бѣдняковъ, которые бы по нуждѣ къ нимъ на фабрики и заводы работать пошли да подешевле бы продавали

*) Нынѣшніе буржуа объ этомъ и не говорятъ, ибо знаютъ, что этому никто не повѣритъ и что этимъ никого не проведешь.

свою рабочую силу. Подъ равенствомъ они разумѣли другое: равенство передъ закономъ. И въ самомъ дѣлѣ. У насъ, напримѣръ, или въ Турціи законы различны для людей различныхъ положеній: для помѣщика или фабриканта одни законы, для рабочаго или мужика—другіе. Дворянство судитъ одинъ судъ, а мужика—другой. Одному за проступокъ одно наказаніе, другому за то же самое—другое. Въ другихъ странахъ дѣло иначе устроено. На бумагѣ всѣ передъ закономъ равны: и суды для всѣхъ одни, и наказанія тѣ же. Но на дѣлѣ и здѣсь „равенство“ остается пустымъ словомъ только, ибо дѣло всегда не въ бумагѣ, не въ словахъ, а въ силѣ. А въ нынѣшнемъ обществѣ силенъ богатый. Какъ бы ни былъ законъ справедливъ и равенъ, а сила и на него давитъ. И онъ воздаетъ „ину славу—солнцу, а ину славу—лунѣ“. Никакія слова о равенствѣ не помогутъ рабочему, не сдѣлаютъ его долю равной съ долей хозяина въ нынѣшнемъ обществѣ, покуда у одного—туго надутый кошелекъ, а у другого—пустой желудокъ. Слѣдовательно, и это словечко для рабочаго мало имѣетъ смысла и на самомъ дѣлѣ никакого равенства на землѣ не создаетъ. Ну, а для хозяина, для буржуа, это слово имѣетъ дѣйствительный смыслъ и понимать его надо такъ: передъ деньгами всѣ равны. У кого деньги—тотъ хозяинъ жизни, а остальные для него всѣ равны, всѣхъ ихъ онъ разсматриваетъ только съ точки зрѣнія своей прибыли.—Остается „свобода“. Что это значитъ? Что понимаетъ буржуазія, когда она говоритъ, что борется за „свободу“? Какая свобода ей нужна? Только одна: свобода эксплуатаціи. Она не хочетъ, чтобы кто-нибудь или что-нибудь ей въ этомъ мѣшало. Она уничтожаетъ все то,

что ей мѣшаетъ свободно эксплуатировать: цеха, внутреннія таможни, государственныя монополіи, наконецъ, тотъ государственный строй, который почему-либо не даетъ ей полной свободы дѣйствій. Она перестраиваетъ сама управленіе государствомъ такъ, чтобъ ей было какъ можно удобнѣе эксплуатировать. Не надо увлекаться словами, а помнить, что, когда буржуа говоритъ: „свобода“—это значитъ—свобода эксплуатаціи рабочихъ. Что же эта буржуазная свобода означаетъ для рабочаго класса?—Свободу умирать съ голоду. Буржуазія говоритъ бѣдняку: ты свободенъ, я вѣдь признаю свободу и ни къ чему не понуждаю: можешь поступать на фабрику за такую-то плату, а не хочешь—можешь не поступать. И рабочій воленъ выбирать: или на фабрику—работать на хозяина, или на улицу—помирать съ голоду.

Изъ всѣхъ трехъ словъ, которыя должны выражать интересы буржуазіи, дѣйствительный смыслъ имѣетъ именно „свобода“. За эту свободу, буржуазную свободу эксплуатаціи, и боролась, когда боролась, буржуазія. Въ этомъ словѣ скрыты всѣ интересы буржуазіи: не братство ей нужно, и не о немъ она заботится, не равенство ее интересуетъ, и не его она хочетъ воплотить въ жизнь; ей нужна свобода эксплуатаціи, и за эту свободу она готова бороться, ибо безъ нея не можетъ существовать буржуазія. Государственная власть и политическое устройство должны обезпечивать ей эту свободу, и если они мѣшаютъ ей въ этомъ, не удовлетворяютъ ея, она всѣми средствами борется противъ нихъ, пока не свергнетъ эту власть и не захватитъ ея въ свои руки. Въ виду того, что эта борьба за политическую власть для буржуазіи опредѣляется больше

всего интересами свободы, свободы эксплуатаціи—политическіе интересы буржуазіи называются либеральными—латинскимъ словомъ, которое происходитъ отъ слова либертасъ, что по-русски и значитъ свобода. Буржуазія, въ общемъ, либеральна; защитники ея интересовъ въ общемъ называются либералами. Иначе говоря, либеральнымъ воззрѣніемъ, либеральной партіей называется такая партія, которая хочетъ создать и поддерживать такое государственное устройство въ странѣ, которое соотвѣтствуетъ интересамъ буржуазіи, т. е. передаетъ власть въ руки буржуазіи и обезпечиваетъ свободу эксплуатаціи. Прежде чѣмъ разсматривать, какое именно государственное устройство соотвѣтствуетъ буржуазнымъ интересамъ, и какими средствами буржуазія добивается своихъ цѣлей, мы должны остановиться на вопросѣ, съ кѣмъ же приходится буржуазіи прежде всего бороться за свои идеалы. Мы сейчасъ говорили, что главными силами въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ являются буржуазія и пролетаріатъ, которые и стремятся передѣлать государство на свой ладъ—первая на буржуазный, или, иначе говоря, какъ мы теперь знаемъ, на либеральный, второй—на пролетарскій или, какъ мы еще увидимъ, на соціалистическій. Но такое ясное раздѣленіе появляется только на извѣстной ступени развитія капиталистическаго общества, именно, въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ, когда различіе и противоположность интересовъ имущихъ и неимущихъ совершенно выяснились—съ одной стороны, и когда рабочіе начинаютъ организовываться въ свою опредѣленную партію съ опредѣленною цѣлью—захватить политическую власть въ свои руки—съ другой. Мы уже въ началѣ говорили о томъ,

что современное общество постепенно и мало-по-малу развивалось изъ общества до-капиталистическаго. Начинается съ того, что тотъ способъ, которымъ люди въ до-капиталистическомъ обществѣ добывали продукты и пропитаніе, обрабатывали землю, сносились другъ съ другомъ, перестаетъ удовлетворять развившееся народонаселеніе и новыя потребности. Человѣческая мысль напрягается и работаетъ надъ новыми задачами. Появляются новые способы борьбы съ природой. Старая система обработки земли замѣняется новой, вмѣсто свѣтелки, въ которой пряли шерсть, появляется мануфактура, фабрика, вмѣсто ручного ткацкаго станка—машина, на мѣстѣ деревень, селъ растутъ города, въ которые стягивается населеніе. Дворянское или, какъ оно называлось въ Западной Европѣ, феодальное землевладѣніе перестаетъ играть главную роль, эта роль переходитъ къ владѣльцамъ мануфактуръ, фабрикъ, къ купцамъ. Сверху до низу идетъ революція; появляются иные способы производства, и измѣняются отношенія между людьми. Но политическое устройство страны остается покуда старое: власть находится въ рукахъ того класса—феодаловъ, представителей крупнаго землевладѣнія,—который уже фактически потерялъ значеніе; онъ не можетъ приспособиться къ новымъ задачамъ, къ этимъ новымъ способамъ производства, и отстаиваетъ свое старое положеніе. Онъ мѣшаетъ новому обществу свободно развиваться, и вотъ революція доходитъ и до него: новый классъ, выдвинутый новымъ обществомъ, буржуазія, требуетъ перемѣны въ государственномъ строѣ, требуетъ, чтобъ ее допустили къ власти. Представители власти не хотятъ этого, сопротивляются, но съ новымъ обществомъ справиться они

не могутъ, и буря революціи сгоняетъ ихъ съ насиженныхъ мѣстечекъ и передаетъ власть въ новыя руки. Новому буржуазному обществу, чтобы окончательно утвердиться, чтобъ принять новыя развитыя формы господства и эксплуатаціи—надо смести съ своей дороги и преобразовать всѣ остатки до-капиталистической эпохи и прежде всего—какъ плодъ этой эпохи—то государственное устройство, которое называется абсолютной (самодержавной) монархіей. Это уничтоженіе абсолютно-монархической формы правленія—необходимое условіе дальнѣйшаго роста общества. Тамъ, гдѣ буржуазія и народъ оказываются недостаточно сильными, чтобы его уничтожить, происходитъ застой, а, слѣдовательно, вымираніе націи—примѣромъ можетъ служить Китай. Всѣ же другія культурныя страны, которыя не останавливались въ своемъ развитіи, пережили этотъ переворотъ: Франція въ 1789 г., Германія—въ 1848 г., въ это же время—Италія, Австрія, Испанія и т. д. На защиту монархіи и вообще до-капиталистическихъ остатковъ въ обществѣ выступаютъ всегда и вездѣ всѣ тѣ, кто лично заинтересованъ въ ихъ сохраненіи: дворянство, чиновничество, духовенство. Не играя большой роли въ экономической жизни страны, эта группа обладаетъ большой силой сопротивленія, ибо въ свою защиту можетъ выставить всю ту силу, которая находится въ рукахъ стараго государства, и всю ту силу предразсудковъ, суевѣрія, преданій и народнаго невѣжества, которые она плодила за время своего господства. Эта группа называется консерваторами, отъ латинскаго слова, которое обозначаетъ „сохранять“. Они стремятся сохранить то, что мѣшаетъ обществу жить и развиваться, а людямъ—дышать. Такъ

какъ жизнь идетъ противъ нихъ, то имъ остается одно—уничтожать эту жизнь. И въ самомъ дѣлѣ, любимое средство консерваторовъ—это примѣненіе грубаго насилія, пользуясь такими средствами, какъ полиція, войско и администрація, которыя находятся еще въ ихъ рукахъ. Защищая свое существованіе, они не брезгуютъ ничѣмъ, внушая уваженіе къ себѣ нагайкой, а нагайку освящая словомъ божіимъ. Такъ какъ жизнь уходитъ у нихъ изъ-подъ ногъ, и въ жизни, въ нуждахъ народа они не могутъ найти оправданія своему существованію, они ищутъ его въ небѣ. Они проповѣдуютъ народу терпѣніе и воздержаніе, обѣщая награду на небѣ, и хлещутъ этотъ же народъ нагайками, разстрѣливаютъ пушками, когда народъ требуетъ улучшенія своей доли на землѣ. Консерваторъ, защитникъ до-капиталистическихъ остатковъ, какъ и сами эти остатки, обреченъ на гибель, ибо онъ хочетъ остановить жизнь, покуда народъ покорно гнетъ спину подъ кнутомъ и не задумывается, чего ради онъ это дѣлаетъ, а это не можетъ продолжаться вѣчно. Сила консерватора—въ пулѣ и въ невѣжествѣ народа. Но пулей владѣетъ тотъ, кто держитъ ружье, а невѣжество народа уничтожается, по мѣрѣ того, какъ развиваются его потребности и растетъ промышленность. Консерваторъ знаетъ, въ чемъ его сила и въ чемъ слабость, и потому ни при какомъ другомъ государственномъ устройствѣ не тратится такъ много денегъ на войско и полицію и такъ мало—на образованіе, какъ въ самодержавной монархіи. Консерваторъ противъ свободы слова, потому что не знаетъ, что отвѣтить, если его спросятъ, зачѣмъ и почему существуетъ то, что онъ защищаетъ; консерваторъ противъ свободы

печати, потому что можетъ напечатать, куда онъ тратитъ народныя деньги; консерваторъ противъ свободы собраній, потому что знаетъ, что стоитъ людямъ поговорить о причинахъ своихъ нуждъ, чтобы указать на тѣ учрежденія, отъ которыхъ онъ кормится; онъ противъ науки, потому что боится свѣта и знанія; противъ свободы, потому что для его жизни нужно, чтобы люди были рабами, а не гражданами. Онъ раздѣляетъ жителей своей страны и натравливаетъ ихъ другъ на друга, чтобы они въ ослѣпленіи забыли главнаго виновника своихъ бѣдъ, и чтобы самому властвовать надъ битыми и надъ бившими. Онъ затѣваетъ никому не нужныя войны, чтобы отвлечь отъ себя вниманіе народа и уберечься отъ его мести. Онъ заключаетъ постыдный миръ послѣ позорной войны, чтобы обратить всѣ свои силы противъ своего же народа. Консерваторъ дѣлаетъ все, чтобы тѣло народа потопить въ крови, а душу—во мракѣ. Но народъ не можетъ не нападать на консерватора, если хочетъ жить, и консервативныя учрежденія вмѣстѣ со своими защитниками должны быть сметены съ лица земли, если народъ не только хочетъ, но и можетъ жить. И чѣмъ сильнѣе они сопротивляются, тѣмъ полнѣе будетъ ихъ крушеніе, ибо вредный нарывъ на здоровомъ организмѣ долженъ быть, все равно, срѣзанъ, иначе онъ заразитъ все тѣло. Но въ послѣднее время трудно стало жить и защищаться однимъ лишь насиліемъ: всѣхъ не перестрѣляешь. И консерваторъ выдумываетъ новый способъ: обманъ народа. Когда онъ видитъ, что можно перестрѣлять много людей, а оставшіеся требуютъ того же и не перестанутъ требовать—онъ начинаетъ ихъ обманывать: когда рабочіе требуютъ своей

организаціи, онъ дозволяетъ имъ выбирать своихъ шпіоновъ въ старосты; когда народъ требуетъ участія въ управленіи, онъ даетъ кой-кому изъ людей побогаче право подавать ему совѣты, какимъ образомъ этого требованія не исполнить. Таковъ консерваторъ: жизнь идетъ впередъ, народъ растетъ, а онъ держитъ его на уздѣ, насильничая надъ нимъ, когда чувствуетъ себя въ силѣ, обманывая и приманивая жалкими, ничтожными пряниками, когда чувствуетъ свое безсиліе.

Когда консерваторъ особенно свирѣпо начинаетъ нападать на народъ и особенно умильно вилять хвостомъ, обманывая его—тогда, значитъ, дѣло его идетъ къ концу. Вотъ тутъ-то и выступаетъ либеральная буржуазія.—До сихъ поръ, пока волны народнаго движенія только начинали свою разрушительную работу, пока сильная рука правительства еще особенно яростно душила все, что вырывалось изъ жизни молодого и свѣжаго—либералы сидѣли по своимъ угламъ и только что-то про себя шептали—что?—трудно было разобрать,—и всюду, къ мѣсту и не къ мѣсту, показывали свое свидѣтельство о благонадежности. Но вотъ они почуяли, что сила консервативной партіи подорвана, что ея значеніе пошатнулось, что она, уже стоя по колѣни въ народной крови, ищетъ себѣ спасенія и не прочь что-либо уступить изъ своихъ правъ тому, кто протянетъ ей руку помощи. Тутъ-то и вылѣзаютъ изъ своихъ милліонныхъ дворцовъ, изъ банковъ, изъ-за прилавковъ биржевыхъ комитетовъ, земствъ и думъ (какъ, напр., у насъ) гг. буржуа-либералы и, схвативши свое истрепанное знамя—„свобода, равенство и братство“ — вступаютъ... вы думаете, въ бой, наконецъ,—нѣтъ—они тому не обучены... вступаютъ съ нею въ торгъ.

Къ этому времени среди землевладѣльцевъ и капиталистовъ накопляется достаточно денегъ и образованія. Съ другой стороны, ходъ развитія выхватилъ изъ-подъ ногъ самодержавнаго государства его прежнюю общественную основу, и оно превратилось въ тиски, сковывающіе свободу дѣйствій новаго буржуазнаго общества, съ его измѣнившимся способомъ производства и измѣнившимися потребностями. Уже ради однихъ своихъ матеріальныхъ интересовъ буржуазія должна была потребовать себѣ участія въ политической власти. Только она сама могла законодательнымъ путемъ обезпечить свои коммерческія и промышленныя потребности, она должна была вырвать завѣдываніе этими священными для нея интересами изъ рукъ пережившей себя, невѣжественной и надменной бюрократіи, чиновничества. Буржуазія сама хочетъ теперь управлять и распоряжаться государственными имуществами, доходами и расходами. Она считаетъ, что гораздо лучше самовластныхъ чиновниковъ знаетъ и понимаетъ нужды новаго общества, и потому требуетъ для себя такого вліянія въ политическихъ дѣлахъ, которое соотвѣтствовало бы ея положенію, богатству и образованію. Для достиженія своихъ цѣлей, т. е. для свободной эксплуатаціи рабочихъ, она нуждается въ правѣ свободно обсуждать свои собственные интересы и взгляды и дѣйствія правительства. Это она называетъ свободой печати. Буржуазія нуждается въ возможности безпрепятственно образовывать союзы, синдикаты, тресты для противодѣйствія организованной силѣ рабочихъ. Это она называетъ свободой союзовъ. Ей нужно въ борьбѣ съ рабочими сообща закрывать заводы и фабрики—устраивать т. наз. локкоуты, — что она называетъ „свободой

стачекъ". Наконецъ, на человѣка она смотритъ, какъ на предметъ выжиманія денегъ; ее не интересуютъ ни его званіе, ни его національность, ни его вѣра—лишь бы онъ работалъ за сходную заработную плату. Поэтому она за свободу вѣроисповѣданій, отсутствіе всякихъ полицейскихъ стѣсненій въ передвиженіи. Всѣ эти реформы нужны ей для свободной и наиболѣе выгодной эксплуатаціи. Вотъ съ какими интересами вмѣшивается она въ борьбу между самодержавной монархіей, между консервативной партіей и трудящимся народомъ. Въ общемъ, буржуазія умнѣе консерваторовъ. Консерваторы, чиновники отъ высшаго до низшаго, и всѣ ихъ союзники разсуждаютъ такъ: лишь бы мнѣ побольше урвать, а дальше мнѣ все равно. Одинъ французскій король, жившій незадолго до революціи, самый гнусный насильникъ надъ народомъ, разорившій и ограбившій его для своихъ забавъ и любовницъ, сказалъ однажды: „послѣ меня хоть потопъ!" Буржуазія умнѣе. Она усвоила очень простую истину: чтобы у овцы шерсть была лучше, надо ее пустить на сносное пастбище. Буржуазіи нужно, чтобы рабочій былъ пообразованнѣе, поэнергичнѣе, половчѣе. Такой рабочій и машины не испортитъ, и работаетъ скорѣй. Поэтому буржуазія и за народное образованіе; и за развитіе самодѣятельности, энергіи въ народѣ—но, конечно, только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Не за то образованіе стоитъ буржуазія, которое учитъ народъ бороться съ эксплуататорами, а за такое, которое изъ рабочаго дѣлаетъ лучшій матеріалъ для эксплуатаціи. Не за ту она энергію, которая дастъ возможность энергично бороться съ ней, а за ту, которая позволяетъ рабочему энергично производить продукты, а хозяевамъ его—энергично эксплуатировать.

Она—за то, однимъ словомъ, чтобъ отощавшій и ограбленный въ самодержавной монархіи народъ немножко нагулялъ себѣ жиру, ибо она знаетъ, что пользоваться имъ и срѣзать его придется ей же. Либералы думаютъ, какъ-бы изъ государства устроить лучшую скотобойню, такъ его устроить, чтобъ ни одна капля народнаго пота и крови не шла даромъ, а все въ пользу г.г. либераловъ-буржуа. Средство одно: захватить цѣликомъ политическую власть въ свои руки. Такимъ образомъ, буржуа-либералы—тоже противъ народа, они хотятъ устроить власть такъ, чтобъ она въ ихъ рукахъ была орудіемъ противъ народа. Каково же должно быть государственное устройство, чтобъ оно и противъ народа было направлено и въ то же время и буржуазіи силу въ руки давало бы? Такая форма государственнаго управленія — ограниченная монархія. Кѣмъ ограниченная? Буржуазіей, хозяевами-капиталистами. Хозяева и капиталисты знаютъ, что эксплуатируемый народъ можетъ взбунтоваться, они понимаютъ, что, ограничивая монархію, они сами показали народу скверный примѣръ, что народъ тоже додумается до того, что пора ограничить и ихъ власть, и потому они хотятъ имѣть въ своихъ рукахъ ту силу подавленія, которой обладаетъ монархія. Они—за сохраненіе полиціи, потому что имъ надо охранять заводы и собственность отъ тѣхъ, кто ихъ создаетъ, отъ рабочихъ; буржуа-либералъ за сохраненіе войска, потому что ему необходимы пули, чтобъ разстрѣливать рабочихъ за ихъ требованія, потому что ему надо завоевывать новыя страны, чтобъ тамъ сбывать свои лишніе товары. Либералъ за свободу печати, но только той, которая защищаетъ его интересы—интересы хозяина; онъ за свободу слова, но такого, которое

его восхваляетъ, а рабочаго одурачиваетъ; онъ за свободу собраній, но своихъ, чтобъ обсуждать способы лучшей эксплуатаціи рабочихъ и борьбы съ ними; онъ за свободу союзовъ, но только такихъ, гдѣ объединяются хозяева противъ рабочихъ; онъ за свободу стачекъ, но только стачекъ хозяевъ противъ рабочихъ; онъ за свободу, но только свободу эксплуатаціи, онъ за равенство, но только не людей, а денегъ; онъ за народъ, но только такой, который идетъ за нимъ, не понимая своихъ интересовъ. Но онъ противъ свободы печати, слова, союзовъ, свободы вообще—когда это свобода *рабочей* печати, свобода *рабочаго* слова, *рабочихъ* союзовъ, *рабочихъ* стачекъ,—онъ противъ *рабочей, пролетарской* свободы. Какое государственное устройство обезпечиваетъ либералу все это? Ограниченная или, какъ она иначе называется, конституціонная монархія, въ которой произволъ, глупость и дикость правительства и его чиновниковъ ограничены выборами отъ богачей. Либералъ хочетъ ограничить абсолютную монархію, потому что она не понимаетъ его интересовъ, но онъ хочетъ ее подчинить не народнымъ интересамъ, не контролю всего народа, а своимъ интересамъ, контролю своихъ выборныхъ. Поэтому онъ за выборы, но только отъ богатыхъ, отъ собственниковъ, отъ хозяевъ. Онъ за монархію, которая его слушается, въ которой онъ имѣетъ власть. Но онъ противъ всеобщихъ выборовъ, потому что тогда будетъ выбирать весь народъ, а это для него невыгодно; онъ противъ равенства при выборахъ, потому что онъ знаетъ, что народу, имъ недовольнаго, больше, чѣмъ буржуазіи, и потому что онъ хочетъ имѣть больше голосовъ, чѣмъ бѣднякъ,—онъ противъ тайныхъ выборовъ, потому что надѣется запугать при

выборахъ своихъ подчиненныхъ и рабочихъ и заставить ихъ выбирать, кого ему угодно; онъ, наконецъ, противъ прямыхъ выборовъ отъ народа, потому что тогда выбранный тѣсно связанъ съ народомъ и передъ нимъ отвѣтственненъ, а это невыгодно богачу.

Вышли въ свѣтъ слѣдующія изданія:

	Цѣна.
1. Каутскій „Аграрный вопросъ“ (аграрная программа)	25 к.
2. Его-же „Экономич. развит. и обществ. строй“ (Эрфуртская программа)	20 „
3. Его-же „Классовые интересы“	4 „
4. К. Марксъ „Наемный трудъ и капиталъ“ II изд.	5 „
5. Его-же „Итоги 48-го года“ (Разошлось)	10 „
6. Его-же „18-е Брюмера Луи-Бонапарта“	25 „
7. Ф. Энгельсъ „Къ критикѣ политическ. экономіи“ II изд. (Разошлось)	7 „
8. Его-же „Отъ утопіи къ научной теоріи“ (Развитіе научн. соціализма)	10 „
9. Его-же „Положен. рабоч. кл. въ Англіи“	50 „
10. К. Каутскій и Б. Шекланъ „Идеи марксизма въ герм. рабочей партіи“	10 „
11. К. Марксъ и Ф. Энгельсъ „Фил. исторіи“ (Коммунистическій манифестъ)	5 „
12. Ф. Лассаль „Принципы труда въ современномъ общ.“ (Программа работн.)	10 „
13. Его-же I. „Сущность конституціи“, II. „Что-же дальше?“	8 „
14. В. Либинехтъ „Робертъ Оуэнъ“	5 „
15. Его-же „Наши цѣли“	7 „
16. Его-же „Знаніе—сила“	6 „
17. А. Бебель „Антисемитизмъ и коллективизмъ“	5 „
18. П. Лафаргъ „Проданный аппетитъ“	8 „
19. Его-же „Крест. собств. и экон. разв.“	4 „
20. Его-же „Поклоненіе золоту“ (Религія капитала)	5 „
21. Э. Вальянъ „Кризисъ и безработица“	7 „
22. Г. Краузе „Происхожденіе антисемит. въ Германіи“ (разошлось)	7 „
23. Лили Браунъ „Женщина и политика“.	8 „
24. Энрико Ферри „Коллективизмъ и позитивная наука“	20 „
25. Штернъ „Вліяніе соціальныхъ условій на всѣ отрасли культ. жизни“	5 „
26. „Амстердамскій конгрессъ“ (рѣчи Геда, Вебеля, Вальяна)	3 „
27. „Что такое рабочій день?“ пер. съ нѣм.	8 „
28. Артуръ Арну „Мертвецы коммуны“.	2 „
29. „Законодательные акты Франціи“	20 „
30. „Ф. Энгельсъ“, біограф. очеркъ	6 „
31. Гедъ. Лафаргъ, Вальянъ, біогр. очерки	5 „
32. П. Юшневичъ „Объ избират. правѣ“	7 „
33. С. Вржосекъ „Основы государствен. устройства на Западѣ“	7 к.
34. Н. Рожковъ „О формахъ народ. правит.“	6 „
35. Его-же „Эволюція хозяйствен. формъ.	15 „
36. „Фердинандъ Лассаль“ Біографич. оч.	5 „
37. Поль Луи „Французскіе мыслители и дѣятели XIX в.“	35 „
38. К. Каутскій „Представительное правленіе“ („Парламентаризмъ“)	15 „
39. Октавъ Мирбо „Жанъ Руль“ (Дурные пастыри)	8 „
40. Штернъ „Теорія приб. стоим. Маркса“	5 „
41. Лафаргъ „Историч. матеріализмъ“	4 „
42. К. Марксъ „Классовая борьба во Фр.“	12 „
43. Э. Вандервельдъ „Пром. разв. и общ. строй“ II изд.	25 „
44. Э. Борнгаймъ „Движеніе чартистовъ“.	12 „
45. Н. Вернеръ „Куда идетъ разв. общ“.	2 „
46. Б. Радинъ „Госуд. устр. во Франціи“	8 „
47. Его-же „Полит. партіи и формы государствен. строя“	3 „
48. Ф. Мерингъ „Изъ общ. уч. XIX вѣка“	6 „
49. К. Гамбонъ „Отвѣтъ верс. собранію“.	6 „
50. П. Лафаргъ „Трудъ и праздность“.	7 „
51. Очевидцы о 71-мъ г. въ Парижѣ	4 „
52. Э. Амичисъ „Студенты и социал. вопр.“	3 „
53. И. Витонскій „Что такое законы и какъ они измѣняются“	4 „
54. „Варленъ передъ судомъ присяжныхъ“	2 „
55. „Исторія одной отачки“	4 „
56. Э. Виникъ „Классовая борьба“	3 „
57. А. К. „О совѣщат. представительствѣ“	1 „
58. Э. Беллами „Сказка о водѣ“	3 „
59. А. Омельченко „Вмѣстѣ съ кѣмъ и противъ кого?“	5 „
60. С. Федоровичъ „Какъ собир. и расх. народныя средства“	2 „
61. П. Геро „Какъ я сталъ коллективистъ.“	4 „
62. П. Кампфмейеръ „Очерки изъ исторіи и литер. герм. раб. движенія“	15 „
63. Э. Вандервельдъ „Коллективизмъ“.	4 „
64. Ю. Стениовъ „Политическія партіи“.	20 „
65. Гэдъ и Лафаргъ „Программа франц. раб. партіи“	10 „
66. К. Каутскій „Слѣдствія русско-японской войны“	5 „
67. Л. Памирцевъ „Война и Дума“	5 „

Лица, выпи[illegible]изъ главнаго склада (С.-Петербургъ, Фонтанка 52) [illegible]менѣе двухъ рублей, за пересылку не платятъ.

[illegible]ысылать впередъ (можно и почтовыми марками).

Книгопродавцы пользуются безплатной пересылкой по желѣзной дорогѣ, при заказахъ на сумму не менѣе 15 рублей (въ предѣлахъ Европейской Россіи и Кавказа).